

Научная статья

УДК 323

doi: 10.17223/1998863X/84/22

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нина Гаррьевна Щербинина¹, Антон Юрьевич Красноперов²,
Елена Григорьевна Аванесова³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *krasnopyorov.anton@gmail.com*

³ *avanesovafsf@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы современного политического образования через призму семиотики, цифровизации и содержания учебных программ. Цель исследования – определение и оценка проблем политического образования в контексте коммуникативных трудностей сегодняшнего дня. В результате выделены ключевые проблемные зоны, требующие особого внимания при реформировании политико-образовательных стратегий, предложены рекомендации.

Ключевые слова: политическое образование, политическая коммуникация, семиотика, цифровизация, профессиональное образование, политология

Для цитирования: Щербинина Н.Г., Красноперов А.Ю., Аванесова Е.Г. Коммуникативные проблемы актуального политического образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 274–285. doi: 10.17223/1998863X/84/22

Original article

COMMUNICATION PROBLEMS OF CURRENT POLITICAL EDUCATION

Nina G. Shcherbinina¹, Anton Yu. Krasnoperov², Elena G. Avanesova³

^{1, 2, 3} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *krasnopyorov.anton@gmail.com*

³ *avanesovafsf@yandex.ru*

Abstract. Modern political education faces a number of problems, including the crisis of meaning generation and deconstruction of the political sign, ideological transformations under the influence of digitalization, the gap between curricula and dynamic political reality. From the point of view of the cultural-semiotic approach, the problem of political education lies in the deconstruction of political signs, leading to their meaninglessness. As a result, communication loses its semantic load, despite the increase in the number of information exchanges. Yuri Lotman emphasizes the role of texts as “meaning-generating devices”. In political education, such texts are ideas about the past, present and future. The construction and transmission of these texts are associated with a number of didactic difficulties. In

addition, modern political communication is networked and non-linear in nature, which gives rise to new challenges: loss of trust in experts and traditional sources of information, fragmentation of knowledge and values, inability of education to produce a creative audience ready for independent meaning generation. Digitalization and social media play a significant role in political education. Artificial intelligence and algorithms actively influence the agenda and the formation of public opinion, acting as gatekeepers and content makers, and political communication takes the form of digital rituals. The effect of echo chambers and information bubbles contributes to the fragmentation of worldviews, although trends and advertising can create a common communicative experience. Nevertheless, the digital environment forms an unstable and dynamic picture of the political world, which creates a threat of polarization of society and reduces the deliberative potential of democracy. Thus, ideological deconsolidation can be considered as part of political socialization and education. Institutional political education in Russia is implemented at the universal (schools, non-core faculties, etc.) and professional (university political science programs) levels. At the universal level, political education is characterized by isolation from current politics, dogmatism, and lack of reflection, which gives rise to mistrust on the part of students, fragmentation of knowledge, and cognitive poverty. Professional political education is complicated by the imbalance of interests of the state, students, and employers, as well as by the insufficient substantive value of educational programs.

Keywords: political education, political communication, semiotics, digitalization, professional education, political science

For citation: Shcherbinina, N.G., Krasnoperov, A.Yu. & Avanesova, E.G. (2025) Communication problems of current political education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 274–285. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/22

Введение

Современное политическое образование подвергается вызовам сразу по нескольким основаниям, среди которых особенно выражены, во-первых, кризис смыслопорождения и деконструкция политического знака, составляющие ядро образовательного процесса и отвечающие за его содержательную глубину, во-вторых, мировоззренческие трансформации под влиянием цифровизации, особенно под воздействием алгоритмизации и искусственного интеллекта, способных выступать в роли учителя, и, в-третьих, разрыв между учебными программами и динамичной политической реальностью, снижающий качество, результативность и полезность политического образования для всех вовлеченных участников этого процесса. Эти проблемы актуализируют поиск новых подходов к политическому образованию на базе семиотики, цифровых технологий и новых медиа, а также актуализации институциональных образовательных практик. Для России такая задача приобретает особую остроту в силу специфики ее политического контекста, порождающего запрос на формирование гражданского самосознания и идентичности как необходимых условий для сохранения внутренней стабильности перед лицом внешних вызовов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы посмотреть на проблемы политического образования в контексте коммуникативных трудностей сегодняшнего дня. В качестве основного метода выступает теоретический анализ. Сущностной характеристикой, отличающей нынешнюю политическую коммуникацию, является продолжающаяся и даже углубляющаяся деконструкция политического знака. Обесмысливание как таковое, в свою очередь, приводит к кризису репрезентации ведущих политических знаков, а поскольку

ку политическая коммуникация представляет собой символический обмен, то коммуникация (при росте числа обменов) перестает быть смыслонесущей.

Данное рассуждение подводит нас к вопросу о феномене смыслопорождения в политике. Как нам представляется, по-прежнему все сводится к такому «смыслопорождающему устройству» как текст. Именно в текстах, полагал Ю.М. Лотман, генерируются новые смыслы [1. С. 155, 162]. Под «текстом» в семиотическом плане понимается любая знаковая система, обладающая содержательной целостностью, т.е. текст представляет собой наполненную смыслами знаковую структуру. И такими знаковыми смыслопорождающими политическими текстами всегда выступали «будущее», «настоящее» и «прошлое». И здесь мы подходим к теме образования как коммуникации, поскольку именно образование всегда строилось на смысловом обмене посредством указанных знаковых текстов – представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Политическое образование как смыслонесущая коммуникация

В плане коммуникации политическое образование отличается от других образовательных сфер:

– политика явление актуальное и динамичное, потому она весьма непохожа на дидактический срез, преподносимый в учебных посланиях, а ряд политических явлений вообще ускользает не только от педагогов, но и от исследователей;

– поскольку политические феномены столь мимолетны, мы больше верим устоявшемуся историческому нарративу, нежели современной аналитике и полагаем, что из него можно вывести будущее [2];

– итак, будущее неотвратимо и не определено, потому мы прибегаем к его конструированию, руководствуясь управленческими шаблонами или кейсами прошлого.

За это конструирование определенного будущего несет ответственность и политическое образование, подающее политику исключительно в виде элементарных схем и простых ответов. И решения выявляющейся дилеммы нет: транслировать ли устоявшиеся знания и схемы в духе учебников или комментировать то, что происходит на улицах и в социальных сетях?

Поставленная нами проблема политического образования может быть рассмотрена под углом культурно-семиотического подхода к политике, поскольку знаковость производится в политико-коммуникационном процессе. В этом процессе обучаемая сторона предстает как некая «коллективная личность», вступающая в коммуникацию с обучающей стороной. Данное понимание коммуникации является преобразованным от подхода к истории Бориса Успенского [3]. Итак, некоторым событиям приписывается значение, и они становятся существенными «фактами» в содержании образовательного контента, а интерпретация обусловлена переменчивыми семиотически понимаемыми языками. Значения же и сам язык очень часто зависят от эпохи и политико-культурного контекста. Язык, согласно данной коммуникационной модели, порождает образовательные «тексты», ведь именно в политическом языке отбираются значимые факты. Так осуществляется семиозис политического образовательного «содержания».

В чем же именно состоит значение символической коммуникации «прошлое – настоящее – будущее»? В каждый момент политически трактуемого настоящего мы уверены, что прошлое «было» именно в данной коллективно-мозговой конфигурации его понимания. Таким образом, сфера политического образования частично отвечает за реконструкцию политического и исторического прошлого вообще. Преподаватель фактически создает текст-репрезентацию. Аналогичные цельные знаковые тексты объективированы в учебниках по политологии, и частные объективации включены в учебники по обществознанию. И здесь мы имеем дело уже с так называемым историческим сознанием, выстраивающим поступательный ряд феноменов: прошлое – настоящее – будущее.

Таким образом, содержание политического образовательного знания, представляемое в виде совокупности «значащих» текстов, вступивших в коммуникацию и даже диалог друг с другом, дает нам конкретный значимый вариант трактовки соотношения настоящего и прошлого. И именно это соотношение задает смысл будущего. Отсюда, на наш взгляд, вытекает особая судьбоносность политического образования как политической коммуникации сегодня. И потому образовательные политические программы, игнорирующие семиотичность политического образования (имеется в виду заметное предпочтение формы в ущерб содержанию/знанию), сводят образовательное коммуникативное отношение к бессмысленной симуляции акта. Потому политическое образование служит часто не семиозису политических знаков современности, но их дальнейшей десемиотизации. То есть невольно политическое образование вовлекается в процесс деконструкции политического знака.

Структурно политическое образование представляется следующим образом:

1. В его основе лежит политическая социализация как передача опыта поколению молодежи, это селективный опыт прошлого, ведь мы не можем передать больше, чем имеем. Мы передаем *Знание-Что* и *Знание-Как*. Это категоризированные представления об институтах и процессах, формирующие легитимную картину политического мира.

2. Картина политического мира подкрепляется на втором уровне – воспитательном, с его моральным императивом «Что такое хорошо» и «Как оно должно правильно работать». Оба уровня, презентующие прошлое и настоящее, нацеливают политические знания в будущее.

3. Но на пути в будущее что-то происходит. Б. Гройс призывает различать будущее и новое [4. С. 47]. Новое заключено в зазоре между настоящим и будущим, поэтому меняет последнее, делает его другим и новое становится проектом будущего в результате ценностного выбора.

За новое в политическом образовании отвечает уровень приращения политического знания. Новое в нашем случае может возникнуть из политического участия, а может быть порождено источниками теоретического знания. В любом случае активная позиция политической педагогики является непреходящей общественно-политической задачей, носящей непременно поисковый характер в отношении новых явлений и новых знаний.

Схематически политическое образование, предстающее в контексте данного подхода как смыслонесущая коммуникация, может быть выражено ли-

нейно. Но особенности сегодняшней политической коммуникации связаны с ее преимущественно сетевым нелинейным характером, что относится и к политической социализации.

Отсюда вытекают проблемы образования-коммуникации:

– старые модернистские понятия требовали «правильной (истиной) трактовки» истории и политики, сегодня истина это лишь версия событий истории и политики. Фейковый характер и неverifiedируемость политических фактов дополняют картину сегодняшнего не убеждающего коммуникационного акта. Отсюда – неверие в старые схемы в принципе и довольно произвольная вера в факты, однако остается сугубое доверие к выбранному источнику;

– в эпоху постсовременности вообще была подорвана власть экспертов (преподавателя, сообщающего новости диктора, политического лидера), оракулов больше нет и любой ответ можно оспорить;

– политическая социализация как вторичная социализация никогда не обладала качествами полноты и завершенности, потому политическое знание – всегда «новое» знание, а политические ценности время от времени переоцениваются;

– идея М. Кастельса о совместно производимых смыслах в сетевом интерактиве [5. С. 157] не работает в отношении политического образования-коммуникации. Дело в том, что в так понимаемом процессе образования не создается «творческая аудитория», продуцирующая собственный смысл, что М. Кастельс называет «массовой самокоммуникацией». По сути, даже в нелинейном процессе политической коммуникации в случае принятия (интернализации) смысла, значения и знания возникает «обучающая линейная ситуация» их передачи. Даже в сетевой коммуникации как таковой не все эмпирические показатели «обратной связи», к примеру, являются индикаторами возвратных сообщений, а лишь констатациями простого согласия и поддержки;

– и наконец, конструктивной власти (официальной или нет), создающей знаково-символическую систему и номинирующей политический мир сегодня, нужно «поладить» с новыми медиа, именно они способны передать новое политическое «знание», которое будет считаться «правильным».

Роль цифровизации в политическом образовании

Несмотря на возрастающую роль смыслов в современном политическом образовании-коммуникации, совершенно невозможно недооценивать его технологическую сторону. Роль социальных медиа (и шире – цифровизации современного мира) в политическом образовании важна, учитывая долю времени, которая онлайн-коммуникация занимает в жизни современного человека, особенно молодого. Как отмечает Саймон Кемп, в 2024 г. среднее время, которое пользователи интернета тратили на социальные медиа ежедневно, составляет 2 часа 23 минуты (в России – 2 часа 19 минут), и это составляет 35,8% времени, затраченного на интернет в течение суток (6 часов 40 минут, в России – 8 часов 21 минута, т.е. 27,7%) [6]. Современное политическое образование невозможно рассматривать в отрыве от цифровой трансформации, которая оказывает влияние на способы политической коммуникации, а как следствие – политическую социализацию и формирование мировоззренче-

ских установок в области политики. Цифровые платформы, такие как социальные сети, вики-проекты и видеохостинги, становятся важными инструментами для распространения политических знаний и формирования общественного мнения.

Значимой и востребованной технологией в эпоху цифровизации становится искусственный интеллект (ИИ), в той или иной степени интегрированный в различные сервисы, платформы, веб-сайты и т.п. Особенно важна его роль в настройке алгоритмов социальных медиа (например, в части формирования новостной ленты), что позволяет ему выполнять функцию определения повестки дня (о чем будут знать пользователи) и формирования мнения (поскольку ИИ способен создавать контент – генерировать новостные статьи, писать комментарии и проч.). Искусственный интеллект и использующие его алгоритмические системы становятся не просто инструментами обработки информации, но и активными субъектами, участвующими в процессе политической социализации наравне с другими онлайн-актерами, будучи неотличимыми от последних. Как показывает наше исследование, проведенное в 2023–2024 гг., молодые люди, независимо от уровня политической грамотности, не справляются с задачей различения настоящих и ложных новостей о политике, в том числе созданных ИИ [7]. Есть основания полагать, что частое взаимодействие с коммуникативной средой, функционирующей по определенному алгоритму (т.е. правилам, нормам), способно оказывать влияние на формирование определенных паттернов поведения, когда алгоритмизация может выходить за рамки программного кода и воздействовать (алгоритмизировать) мышление и действия индивидов. Например, в части способов формулировать и структурировать мысли в письменной коммуникации, делать селфи, ставить «лайки» и т.п. П. Бергер и Т. Лукман описали бы этот процесс как хабиутализацию, которая предшествует любой институционализации [8. С. 91]. С.В. Володенков и С. Н. Федорченко предлагают термин «цифровой ритуал», который они определяют как «однотипное действие индивида, являющееся реакцией на действия других индивидов в условиях сообществ интернет-коммуникации» [9. С. 192]. Они считают, что соблюдение цифровых ритуалов позволяет сохранить идентичность относительно какой-либо группы, а ИИ добавляет этим ритуалам политическое значение, поскольку, будучи неотличимыми от других цифровых аватаров, выполняют действия в интересах своих создателей [9. С. 193].

Субъектность ИИ также отражается в том, что умные алгоритмы, управляющие поисковой выдачей и новостными лентами, а также рекомендациями, становятся своего рода гейткиперами. Таким образом, представленность и характер информации, которая выступает содержательной базой как политической коммуникации, так и политического образования, во многом зависит от нового типа субъекта, не являющимся человеком.

Одним из ключевых механизмов такого влияния, ставшего предметом многочисленных исследований, являются эхо-камеры (или информационные пузыри), которые усиливают однородность информационного потребления, создавая относительно замкнутые циклы воспроизводства схожих идей и мнений. Но влияние эхо-камер не стоит абсолютизировать. Современные цифровые платформы формируют новостные ленты, основываясь не только на индивидуальных предпочтениях (анализ истории поиска и реакций), но и

на общих трендах, а также коммерчески продвигаемом контенте. Это создает общий опыт, которые «пробивает» границы информационных пузырей, связывая пользователей с разными взглядами, и играет ту же роль, что и телевидение в теории культивации Дж. Гербнера [10. С. 493–495], но в меньших масштабах и с большей переменчивостью за счет быстрой смены трендов. В результате формируется сложная мозаика мировоззрения (в том числе политического), которая, хотя и объединена общими знаками, остается фрагментарной и изменчивой.

Современные цифровые коммуникации не создают единого монолитного мировоззрения, как это можно было бы ожидать от традиционных обществ с их устойчивыми ценностными и смысловыми системами. Вместо этого они формируют гибкую, но неустойчивую картину мира политического, которая постоянно подвергается вызовам и бомбардировке новыми потоками данных. Такая фрагментарность может приводить к эмоциональному напряжению и рациональной неупорядоченности, что делает пользователей уязвимыми к манипулятивным практикам. Отсутствие устойчивого ценностно-смыслового фундамента затрудняет критическую оценку информации. Это может приводить к интересным эффектам, выявленным эмпирически: опасаясь стать жертвой манипуляции в интернете, молодые люди реже доверяют СМИ, приписывая им манипулятивные намерения [11. С. 16]. Учитывая слабо выраженную разницу между СМИ в классическом понимании и другими цифровыми аватарами и акторами, которые также являются источниками информации, можно предположить более высокий уровень недоверия в онлайн-коммуникации.

Таким образом, современные общества и государства рискуют столкнуться с массовыми масштабными мировоззренческими кризисами и расколами. Причиной такой поляризации будут не идейные системы, а, наоборот, неоформленные точки зрения, сформированные из смеси рационального и эмоционального, и меняющиеся вместе с трендами. В свою очередь, такой эффект может негативно сказаться на стабильном функционировании демократий, требующих не только участия, но и дискуссии. Последняя будет невозможна, если мировоззренческая поляризация станет новой нормальностью. Отмеченная угроза актуализирует запрос на проекты политического образования, но оставляет открытыми вопросы о субъектах и объектах такого образования, о целях, методах и инструментах. Особенно важна в этой связи проблема устройства и модерации интернет-платформ, где происходит политическая коммуникация. С одной стороны, как отмечает В.А. Фурс, «Интернет и сопутствующие онлайн-технологии формируют удобную инфраструктуру для публичного обсуждения политических решений» [12. С. 22], с другой – оставляет опасение, что модерация таких платформ со стороны их владельцев или иных субъектов, как ИИ, будут «способствовать не столько развитию делиберативной демократии, сколько имитации ее ключевых процедур» [12. С. 27]. Решение этих и других проблем затруднено постоянной динамичностью цифровой среды, развитием технологий, накладывающим отпечаток на характер политических коммуникаций. Но, судя по всему, эффект мировоззренческой деконсолидации продолжит быть частью политической социализации. А значит, любой проект политического образования должен принимать его во внимание.

Проблемы современного российского политического образования

Все вышеназванные проблемы в полной мере характерны и для российского политического образования. На сегодняшний день оно осуществляется на двух уровнях: универсальном и профессиональном. Первый уровень реализуется в школах, техникумах, непрофильных факультетах вузов, второй – в университетах на образовательных программах по политологии [13. С. 240–241]. Важность универсального политического образования никем не оспаривается, скорее наоборот, в последнее время и государство, и эксперты обратили внимание на необходимость «выстраивания единой системы политологического образования, которое начиналось бы в школе, а завершалось в вузе» [14]. В школьных программах политологическая проблематика включена в отдельные модули курса «Обществознание». И как показывает практика, совершенствование содержания этих модулей является давно назревшей проблемой. Оторванность от актуальных политических проблем сегодняшнего дня, передача готового знания без должной рефлексии, рассогласование теории и практики не способствуют выстраиванию конструктивной коммуникации и полноценному взаимодействию между учителем и учеником, но приводят к тому, что молодые люди не верят «ни учителю, ни учебнику», и все официальное, по мнению А.В. Селезневой, «что идет от учителя и учебника, воспринимается критически» [15]. Обновление содержания политического образования просто не «успевает» за быстро меняющейся политической действительностью, в то время как социальные сети всегда предоставляют актуальную информацию. Поэтому интернет становится альтернативой школьному политическому образованию, а учитель «уже не выступает в роли единственного источника знаний» [16. С. 117]. Итогом несостоявшейся коммуникации становится, с одной стороны, формирование политико-психологического мировоззрения школьника, особенностями которого являются «когнитивная бедность, стереотипность, фрагментированность представлений о стране, государстве и обществе в России» [17. С. 576], а с другой – недостижение государством своей цели по формированию гражданского самосознания молодежи. Дальнейшее обучение молодых людей на непрофильных специальностях вузов мало что меняет в этой ситуации уже в силу того, что преподавание политологии не является обязательным на негуманитарных факультетах, чем те активно пользуются, аргументируя свое нежелание включать политологические дисциплины в свои образовательные программы тем, «что в рамках образовательных стандартов нового поколения среди компетенций неполитологических специальностей и направлений подготовки отсутствует упоминание самого термина „политика“» [14].

Общий стандарт профессионального политического образования задает государство, ожидания которого, касающиеся содержания и результатов образовательной деятельности, закреплены во ФГОС по направлениям подготовки 41.03.04 Политология и 41.04.04 Политология. Наличие такого Стандарта унифицирует образовательные программы, поскольку их разработчики обязаны учитывать ряд факторов, в том числе практикоориентированную направленность документа и необходимость получения конкретного образовательного результата, соотносимого с набором закрепленных компетенций, но в

то же время не лишает вузы определенной степени свободы в формировании дизайна и содержательного наполнения образовательных программ, поэтому они характеризуются оригинальностью, непохожестью друг на друга.

Между тем их реализация сопряжена с определенными трудностями, которые в последнее время только усиливаются, и связаны они с неизбежностью учета программами интересов различных акторов, которые в той или иной степени причастны к политическому образованию. С одной стороны, это интересы государства. В условиях усложнения политической сферы жизни российского общества и той непростой ситуации, которую оно переживает, государство делает ставку на формирование национально ориентированной системы политического образования, опорными пунктами которой должны являться патриотизм, духовно-нравственные ценности, отечественные традиции и научные школы [18]. В рамках этой системы роль преподавателя состоит не только в передаче знаний, но и в формировании ценностно-смысловой сферы личности студента. С другой стороны, это интересы самого студента, который хочет получить профессию, и запросы работодателей, которые ждут от политологов конкретные профессиональные навыки, поскольку для успешной конкуренции на рынке труда они должны обладать не только теоретическими знаниями, но и прикладными умениями. Как пишут российские эксперты, проблемой отечественной политологии является «ограниченность навыков работы с эмпирическими данными» [19. С. 19], неумение пользоваться «арсеналом точных наук», что является на сегодняшний день трендом мировой политической науки [20. С. 76] и одновременно слабым звеном российского политического образования. В данной ситуации очевидно, что выживание вузовской политологии потребует «постоянной саморефлексии дисциплины» [19. С. 8], целью которой должно стать примирение интересов всех причастных к политическому образованию сторон.

Заключение

Таким образом, актуальное политическое образование сталкивается с комплексом коммуникативных проблем, которые требуют переосмысления его формы и содержания. В частности, актуальное политическое образование должно учитывать три взаимосвязанных аспекта: семиотический аспект политического образования с акцентом на содержание и смыслы, влияние цифровизации на политическое мировоззрение, а также формальные образовательные практики с учетом запросов всех заинтересованных сторон. При этом кризис смыслопорождения требует переосмысления роли текстов и знаков в политической коммуникации, а цифровизация диктует важность адаптации (и шире – управления) к сетевым реалиям и алгоритмизации при разработке образовательных стратегий. Формальное образование, помимо всего прочего, должно характеризоваться конкурентоспособностью по сравнению с интернетом и другими «учителями» в части формирования целостной картины политического мира, что, в свою очередь, требует пересмотра существующих методических подходов на всех уровнях, от школьного до профессионального, с учетом динамики современной политической реальности. Сочетание семиотических, технологических и институциональных особенностей будет способствовать преодолению коммуникативных трудностей и ре-

шению обозначенных коммуникативных проблем, удовлетворяя запросы современного общества и государства.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семiosфера. СПб. : Искусство СПб, 2001. С. 150–390.
2. Талёб Н.Н. Черный лебедь. М. : КоЛибри, 2009. 528 с.
3. Успенский Б.А. Вместо введения. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002. С. 9–76.
4. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.
5. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Kemp S. Digital 2024: Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 18.02.2025).
7. Краснопёров А.Ю., Гончаров М.Д., Соколова А.В., Бушин Ю.Ю. Влияние делиберации на восприятие и выявление фейковых новостей по политическим вопросам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 239–240.
8. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
9. Володенко С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М. : Проспект, 2024. 496 с.
10. Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики : пер. с англ. Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр» : Науменко А.А., 2015. 688 с.
11. Быков И.А., Медведева М.В. Значение медиаграмотности для политической коммуникации в России // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 4. С. 7–22.
12. Фурс В.А. Перспективы развития делиберативной демократии в условиях цифровизации коммуникативных технологий // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 4. С. 20–30.
13. Гукова И.Н., Бойко Ж.В., Половнева Л.С. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48, № 1. С. 238–248.
14. Эксперты РОП: Проблемы политологического образования в современной России. URL: <https://ruspolitics.site/content/11970/> (дата обращения: 28.02 2025).
15. РОП провело семинар по разработке школьного предмета и учебника о политике. URL: <https://ruspolitics.site/sobytiya/11624/> (дата обращения: 28.02 2025).
16. Самсонова Т.Н. Практики политической социализации в современной российской школе: состояние, проблемы и векторы развития // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–126.
17. Селезнева А.В. Формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций российской молодежи: потенциал политического образования и просвещения // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития : материалы X Всерос. конгресса политологов РАПН с междунар. участием. Москва, 5–7 декабря 2024 г. М., 2024. С. 576.
18. V Съезд РОП открылся работой секции, посвященной политологическому образованию. URL: <https://ruspolitics.site/sobytiya/15058/> (дата обращения: 28.02 2025).
19. Гаман-Голутвина О.Г. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 8–28.
20. Попова Ю.В. Политическая наука в российском вузе: между задачей изучать и целью преподавать и сохраниться // Политическое образование в современной России и в мире : материалы III Съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) / Российское общество политологов ; сост. В.А. Соболев ; под общ. ред. А.Ю. Шутова, С.Г. Еремеева, В.И. Якунина, И.И. Кузнецова. М. : Изд-во Москов. ун-та, 2020. С. 74–76.

References

1. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo SPB. pp. 150–390.
2. Taleb, N.N. (2009) *Chernyy lebed'* [The Black Swan]. Moscow: KoLibri.
3. Uspenskiy, B.A. (2002) *Etyudy o russkoy istorii* [Sketches of Russian History]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 9–76.

4. Groy, B. (2015) *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [On the New. Experience in the Economy of Culture]. Moscow: Ad Marginem Press.
5. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow: HSE.
6. Kemp, S. (2024) *Digital 2024: Global Overview Report*. [Online] Available from: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (Accessed: 18th February 2025).
7. Krasnoperov, A.Yu., Goncharov, M.D., Sokolova, A.V. & Bushin, Yu.Yu. (2024) The Impact of Deliberation on the Perception and Detection of Fake News on Political Issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 239–240. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/81/21
8. Berger, P. & Luhmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium.
9. Volodenkov, S.V. & Fedorchenko, S.N. (2024) *Tsifrovyye tekhnologii i iskusstvennyy intellekt v sovremennoy politike* [Digital technologies and artificial intelligence in modern politics]. Moscow: Prospekt.
10. Griffin, E. (2015) *Kommunikatsiya: teorii i praktiki* [Communication: Theories and Practices]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsestr; Naumenko A.A.
11. Bykov, I.A. & Medvedeva, M.V. (2021) Znacheniye mediagramotnosti dlya politicheskoy kommunikatsii v Rossii [The importance of media literacy for political communication in Russia]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 5(4). pp. 7–22.
12. Furs, V.A. (2022) Perspektivy razvitiya deliberativnoy demokratrii v usloviyakh tsifrovizatsii kommunikativnykh tekhnologiy [Prospects for the development of deliberative democracy in the context of digitalization of communication technologies]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 6(4). pp. 20–30.
13. Gukova, I.N., Boyko, Zh.V. & Polovneva, L.C. (2021) Sostoyaniye politicheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii: problemy i puti ikh resheniya [The state of political education in modern Russia: problems and ways to solve them]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 48(1). pp. 238–248.
14. Ruspolitics.site. (n.d.) *Eksperty ROP: Problemy politologicheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii* [ROP Experts: Problems of Political Science Education in Modern Russia]. [Online] Available from: <https://ruspolitics.site/content/11970/> (Accessed: 28th February 2025).
15. Ruspolitics.site. (n.d.) *ROP provelo seminar po razrabotke shkol'nogo predmeta i uchebnika o politike* [ROP held a seminar on the development of a school subject and textbook on politics]. [Online] Available from: <https://ruspolitics.site/sobytiya/11624/> (Accessed: 28.02 2025).
16. Samsonova, T.N. (2023) Praktiki politicheskoy sotsializatsii v sovremennoy rossiyskoy shkole: sostoyaniye, problemy i vektory razvitiya [Practices of political socialization in the modern Russian school: state, problems and vectors of development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 29(1). pp. 110–126.
17. Selezneva, A.V. (2024) Formirovaniye tsennostno-mirovozzrencheskikh orientatsiy rossiyskoy molodezhi: potentsial politicheskogo obrazovaniya i prosveshcheniya [Formation of value and ideological orientations of Russian youth: the potential of political education and enlightenment]. *Rossiya v polittsentrichnom mirovom poryadke: vyzovy i novyye paradigmy razvitiya* [Russia in a polycentric world order: challenges and new paradigms of development]. Proc. of the 10th All-Russian Congress of Political Scientists of the Russian Academy of Political Sciences. Moscow, December 5–7, 2024. Moscow. p. 576.
18. Ruspolitics.site. (n.d.) *V S"ezd ROP otkrylysa raboty sektsii, posvyashchennoy politologicheskomu obrazovaniyu* [The 5th Congress of the Russian Political Scientists opened with the work of the section devoted to political science education]. [Online] Available from: <https://ruspolitics.site/sobytiya/15058/> (Accessed: 28th February 2025).
19. Gaman-Golutvina, O.G. (2016) Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki. K 60-letiyu SAPN / RAPN [Political Science Facing the Challenges of Modern Politics. On the 60th Anniversary of SAPN / RAPN]. *Polis. Politichesknie issledovaniya*. 1. pp. 8–28.
20. Popova, Yu.V. (2020) Politicheskaya nauka v rossiyskom vuze: mezhdru zadachey izuchat' i tsel'yu prepodavat' i sokhranit'sya [Political Science in a Russian University: Between the Task to Study and the Goal to Teach and Survive]. In: Shutov, A.Yu. Eremyeva, S.G., Yakunina, V.I. & Kuznetsova, I.I. (eds) *Politicheskoe obrazovanie v sovremennoy Rossii i v mire* [Political Education in Modern Russia and in the World]. Moscow: Moscow State University. pp. 74–76.

Сведения об авторах:

Щербинина Н.Г. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Краснопуёров А.Ю. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Аванесова Е.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shcherbinina N.G. – Dr. Sci. (Political Science), docent, professor of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Krasnopyorov A.Yu. – Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Avanesova E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*